

Аргументация презентизма

И. А. ГЕРАСИМОВА

Презентизм (от англ. the present time – настоящее время) можно понимать как такое отношение к истории, при котором придаются исключительные черты настоящему при одновременном занижении прошлого или будущего. В противоположном случае антикваризм делает исключительным прошлое, занижая настоящее. Не секрет, что историческое познание страдает от неопределенностей порой принципиального характера, когда уже нет никакой надежды получить достоверную информацию о том или ином событии прошлого. Тем не менее историки пытаются воссоздать картины прошлого по возможности аутентично, приближая исторические описания к реалиям времени. В отличие от социальной истории, задачи истории науки во многом упрощаются тем, что социокультурная обусловленность научного познания рассматривается чаще как фон открытий, изобретений, выдвижения гипотез, экспериментов, научных дискуссий, – т.е. всего, что составляет содержание научного познания. Историю науки так и рассматривают как историю идей: развивающееся научное познание предстает как напряженная динамика идей, сохраняющая преемственность и, вместе с тем, чреватая неожиданными поворотами мысли. В выявлении ценных крупниц знания идейный схематизм оказывается неизбежным следствием концептуальных

реконструкций живой истории науки.

Так уж складывается, что обращение к истории уже само по себе таит опасность суждений по поверхностной аналогии с настоящим. Считается, что исследователь, особенно если его внимание приковано только к идеям, вовсе не обязан вникать в характер личностей творцов идей, в общий характер эпохи, в образ жизни или в когнитивные особенности стиля мышления. Поневоле, бессознательно, складывается представление о людях прошлого как почти таких же, как мы, только менее развитых. Игнорирование самобытности ушедших культур и снисходительное отношение к предшествующему прошлому нашло отражение, например, в идее линейного прогресса и в идее кумулятивизма. Если неклассическая рациональность отдает должное конструктивной роли альтернативности, то многие прежние теоретики предпочитали смотреть на прошлое науки как на гигантский накопительный период, который «подготовил истинное знание теперь». Спутник презентизма – верхоглядство, поверхностные и поспешные выводы без основательного изучения материала. Но особенно широко шествует презентизм в повседневности, к тому же в грубых формах. Приведу один из примеров рекламоподобной аргументации. «Если бы изобретатели телефона Белл и Попов оказались на сегодняшней выставке средств связи, то они были бы в шоке. Но мы не такие сентиментальные как они» (23 мая. Радио. 1997). Такое бесцеремонное отношение в массмедиа к за-

служенным изобретателям, да и к мыслящим людям вообще, весьма характерно для постмодернистских реалий культуры. Для высокой культуры оно оскорбительно.

При вдумчивом исследовании нетрудно обнаружить некорректности в презентистских предположениях и ходах аргументации. На одном из семинаров по философии науки магистрантам РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина я предложила несколько тем для письменной творческой работы. Только несколько человек избрали серьезные темы для сочинений; значительное же большинство остановилось на фразе, которая заинтриговала, причем не в последнюю очередь бесцеремонностью в отношении к прошлому. Как оказалось впоследствии, риторический эффект сыграл плодотворную роль: возмущение побудило к размышлению над историей идей и жизнью людей, над сущностью творчества и проблемами сегодняшнего образования. Пример был дан классический:

«Студент, прочитавший современный учебник физики, знает больше о мире, чем эти бедняги – Аристотель и Ньютон»¹.

Требовалось высказать свое мнение о данном суждении.

Чувствительность к ироническому подтексту этой фразы у некоторых студентов почему-то не проявилась: они просто приняли сказанное за чистую монету и согласились. Аргументы в поддержку тезиса выстраивались, в основном, из сложившегося образа современной научной рациональности, из кажущегося очевидным при нерефлексивном мышлении. Эти аргументы таковы: современ-

¹ Пример взят из книги: Кузнецов Б. Г. Встречи. М., 1984. С. 63.

ный научный арсенал богат доказательными идеями, имеются проверенные методы, которые отвечают определенным критериям научности, квинтэссенция научной картины мира вошла в систему образования, в учебниках научные теории и понятия отражены адекватно. Во времена Аристотеля экспериментальное естествознание еще не существовало, а во времена Ньютона оно только зарождалось – еще не был развит математический аппарат, Интернета и компьютерной техники не было и т.д. Современная физика аккумулировала знания прошлого и несравненно далеко ушла дальше. Приведу слова самих студентов. «В те времена, когда жил Аристотель, факты, явления, которые открывали, были умопостигаемы и бездоказательны. В современном же учебнике физики большая часть сказанного доказывается определенными законами, уравнениями. То есть все, что узнает студент из учебника, является абсолютной правдой, и у него без лишних сомнений складывается правильное представление о мире. И, кроме того, сейчас известно гораздо больше, чем в те далекие времена» (Виктория Т.). «Если принять, что все современные знания об окружающем мире собраны в учебнике физики, и студент, прочитав этот учебник, запомнит всю информацию, то студент будет действительно знать больше, чем Аристотель и Ньютон» (Николай В.). «У человека техногенной цивилизации совершенно иная система ценностей и картина мира Аристотеля не может его устраивать» (Рустам Ш.).

Радует то, что грамотно ввели в рассмотрение важный аспект философской оценки – аксиологи-

ческий. Действительно, ценности человека эпохи античности и современной техногенной цивилизации различаются. А если творчески подойти к картине мира Аристотеля? Можно ли обнаружить в ней нечто ценное или верное? Например, возьмем вопрос о неподвижности Земли, находящейся в центре мироздания. Можно попросить студентов «оправдать» это утверждение. Действительно, данное утверждение может стать верным *при определенных условиях*. Земля берется как неподвижная точка в задачах, где требуется рассчитать, например, скорость движения ракеты, стартующей с Земли. Кроме того, в гуманитарном аспекте выражение «Земля как центр мироздания» может быть рассмотрено как средоточие опыта человека и, соответственно, естественная отправная точка всех его познавательных сравнений. При всей громадной временной разнице существовавших цивилизаций человек остается человеком, живущим в том же доме под названием Земля. От антропоцентризма трудно отойти. Подобные метафоры можно продолжить.

Ценное качество выводить ум из рассуждений, казалось бы, безнадёжно ложных присуще многим философски мыслящим ученым. Для сравнения: умение трансформировать негативное в позитивное в духовных практиках относили в качестве одной из высших ступеней самосовершенствования. В нем проявляется великодушие человека, способность принимать все существующее как есть, безоговорочно, а дальше действовать, творчески изменять, соизмеряя со своими талантами. В аспекте искусства аргументации принцип

трансформации того, что представляется негативным, проявляет себя в следующих формах: (1) создаются контексты, трансформирующие негативный смысл в позитивный в результате интерпретации; (2) предлагается *иное возможное* – новый вариант решения задачи или даже значительное изменение постановки проблемы. Верна презумпция: «Если твое мнение отличается от моего, то это еще не значит, что ты заблуждаешься; может быть, ты подходишь к истине с другой стороны».

Очень весомо выглядят аргументы, когда привлекаются авторитеты – маститые ученые: «Эйнштейн, Гейзенберг, Бор, Максвелл, Борн – все они жили позже “бедняк” в XIX–XX веках» (Мурат Ш.). В самом деле, разве можно сравнивать эпоху физики элементарных частиц с натурфилософией античности или с механикой Ньютона? Однако замечу, что неискушенный в истории науки студент судит о механике из учебника по физике. Напомню, что в методологии физических наук принимается принцип соответствия: новая теория должна переходить в старую в тех условиях, при которых старая была установлена. Аналогичный принцип соответствия действует и в историческом исследовании: при сравнении научных достижений и личностных качеств мыслителей разных эпох необходимо принимать во внимание условия их деятельности и творчества. В данном случае полезно восстановить исторический контекст, обратив внимание на уровень знаний и их практическое использование. Вернем мыслителей в их время. Геоцентрическая картина мира античности была

завершена александрийским математиком Клавдием Птолемеем во втором веке нашей эры. В учебниках ее называют аристотелевско-птолемеевской картиной мира. Вплоть до Коперника «Альмагест» Птолемея оказывал большое влияние на астрономов. Перемещения Солнца, Луны и планет слагаются, согласно Птолемею, из сложной комбинации равномерных движений по окружностям, охватывающим Землю: эксцентрических движений, при которых центры круговых орбит смещены относительно Земли; движения по эпициклу, т.е. по окружности, центр которой находится на круговой орбите, и равномерного движения относительно смещенной точки (экванта). Оказывается, что это хитроумное решение позволило воссоздать сложную траекторию планеты, которая вполне соответствовала уровню тогдашних наблюдений. Сложная система Птолемея описывала наблюдения настоящего и предсказывала довольно точно расположение планет в будущем. Другими словами, это была теория, согласующаяся с простыми представлениями о неподвижности Земли и наблюдениями тех времен.

Другой пример. Все перечисленные студентом создатели квантовой механики и атомной физики были философами и людьми исключительно глубоким проникновением в понимание основ бытия, чем это дано обычному человеку. То же справедливо и относительно Ньютона. Картина мира Ньютона, охватывающая механику, выходит за пределы простых механических представлений. Ньютон как личность органично сочетал в себе ученого, философа и теолога. В обосновании

картины мира, созданной наукой и философией Нового времени, Ньютон использовал аргументы троякого рода. Исследователь творчества английского мыслителя И. С. Дмитриев выделяет физические, теологические и исторические аргументы. Как пишет автор, «все три типа аргументации были тесно связаны и переплетались друг с другом»². Оговорюсь, что стоит принять во внимание некоторые тонкости. По существу, классическая механика как научная теория имела в качестве базиса научный метод – математические построения, подтвержденные наблюдениями и измерениями. В обосновании же картины мира, связанной с механикой Ньютона, все указанные Дмитриевым типы аргументации были философскими. Физическая аргументация (или метафизическая в смысле поиска оснований физических процессов) основывалась на концепции эфира; ее источником были известные Ньютону неоплатонистические и алхимические традиции. Теологическая аргументация, как считает Дмитриев, давала возможность преодолеть кажущуюся абсурдность принципа дальнего действия. Фундаментальным понятиям физики соответствовали теологические референты: «абсолютное пространство» – «неизменность Бога», «действие на расстоянии» – «божественная вездесущность, понимаемая не виртуально, но субстанциально» и т.д.³. У самого Ньютона было два понятия пространства и времени – абсолютное и относительное. Таким образом, классическая механика выстраи-

валась на фундаменте абсолютных пространстве и времени, но допускала ограниченный принцип относительности.

Большинство студентов отделило вопрос об объективности процесса научного познания от вопроса о субъективно-личностных актах познания. «С одной стороны, это утверждение правильно, потому что научный прогресс никогда не останавливался (научные революции), постоянно делались какие-то открытия. Научные представления о мире, о процессах, происходящих в нем, менялись. И это естественно и закономерно, что к настоящему времени у ученых сложилась достаточно полная картина мира и понимание всех физических процессов... Но, все равно, ни одного студента нельзя ставить на одну ступень с Аристотелем, Ньютоном. Ведь в свое время они были первооткрывателями законов, аксиом и теорем. Только у гениального человека могло родиться такое, что протекает сквозь века. Это были великие ученые, философы. И для своего времени – гениальными людьми. Многими их выводами мы пользуемся и сейчас» (Юлия Т.).

Полезно ввести еще одно ценное измерение знания – личность и социальный фон знаний исторической эпохи. В таком случае, по принципу исторического соответствия, сравнение будет не в пользу рядового студента: «Ньютон для своего времени знал очень много, он был выдающимся человеком и ученым. В настоящее время огромное количество направлений

² Дмитриев И. С. Неизвестный Ньютон: Силуэт на фоне эпохи. Спб., 1999. С. 379.

³ Там же. С. 423.

в науке, с которыми человек даже еще не соприкасался и поэтому знания студента, прочитавшего всего лишь учебник физики, обладают лишь ничтожнейшей частью накопленного и еще нераскрытого. Скажем более точно: «Студент, прочитавший учебник, не может быть умнее и знать об окружающем мире больше, чем Аристотель и Ньютон в свое время» (Ольга К.). «Человек, который делает великие и доказанные открытия, не может знать про мир мало. По сути, он знает про этот мир больше остальных. Не каждый студент сможет вывести закон, прочитав учебник физики. Нам повезло родиться в достаточно просвещенное время, когда знания собраны, догадки подтверждены или опровергнуты научными экспериментами» (Данил К.).

Придерживаясь принципа исторического соответствия и продолжая аналогии, не избежать критических выводов и скептицизма в отношении себя лично да и человеческой природы в целом: «Научный прогресс не стоит на месте, и все время появляется что-то новое, и получается, что мы знаем не много» (Вера Г.) «Что значит “знает”? Ведь никто не может утверждать, что те знания, которыми человечество сейчас обладает, истинны. (Опровергли же мы некоторые позиции древних ученых, того же Аристотеля. Кто знает, может и то, что мы считаем истинным теперь, когда-нибудь опровергнут наши потомки.) Отсюда можно сделать вывод, что и сегодняшний студент, и Аристотель, и Ньютон знают одинаково мало — почти ничего» (Ильдар А.). Другой ответ вводит сложную рефлексивную ссылку. «Современный студент знает

больше Аристотеля и Ньютона, но с точки зрения современной науки, которая абсолютным знанием не является» (Анастасия И.). Справедлива поправка формулировки тезиса: «Современный физик сказал бы так: «Студент, прочитавший современный учебник по физике, *вероятно*, знает о мире гораздо больше... (Один из принципов неклассического естествознания)» (Мурат Ш.).

Принцип исторического соответствия можно преподавать и нейтрально, рассуждая взвешенно: «Аристотель, Ньютон и современный студент имеют разные представления о структуре мира. Картина мира, видевшаяся Ньютону, с одной стороны, много сложнее видевшейся Аристотелю, но и проще, т.к. она объяснялась его же законами. Картина мира, видящаяся студенту, также сложнее ньютоновской, поскольку она охватывает больше аспектов бытия» (Александр С.). «Может, в следующем столетии будет совершенно иная картина мира, потому что, основываясь на всех знаниях, откроют совершенно новое, о котором мы еще и не догадываемся» (Александра А.). Широко известна формула Сократа «Я знаю, что я ничего не знаю». Чем больше знаешь, тем больше убеждаешься, что неизведанное несоизмеримо с твоими познаниями. Этот логический ход воспроизводится в формулировке с довольно оригинальным заключением о существовании пропорции между знанием и незнанием: «Чем шире сфера наших познаний о мире, тем больше поверхность соприкосновения с непознанным, ввиду чего соотношение между известным и неизвестным практически неизменно со времен “бедняг”

Аристотеля и Ньютона» (Алексей Т.).

Что значит «знать больше»? Это выражение явно неопределенно и двусмысленно. С одной стороны, имеется количественный аспект знания, который можно измерить, а с другой стороны – качественный аспект. Можно знать больше и глубже по отдельной дисциплине, скажем физике, но можно иметь разносторонние познания, в контексте которых физические закономерности предстанут уже в ином освещении. «Студент может прочесть и учебник по физике, и по химии, но все равно он не будет знать больше Аристотеля, Ньютона и многих других великих умов человечества. Эти люди были настолько просвещены во всех сферах жизни человека – как философия, химия, медицина и многое другое, – что студенту недостаточно прочесть один учебник по физике» (Юлия В.). Приходим к выводу, что знание основ оказывается гораздо важнее детализированного знания узкого специалиста: «Конечно, после Ньютона были сделаны еще многие открытия, но основы всего этого он уже знал, просто это все не было научно доказано... Мне кажется, что мы, современные люди, имеем поверхностные знания о многих сферах науки. Основу нам дали Аристотель и Ньютон, и мы о ней не задумываемся, но прогресс есть, и мы делаем то, что Аристотель и Ньютон даже не подозревали. В какой-то степени мы знаем больше, а в какой-то – меньше» (Вера Г.). «На мой взгляд, это утверждение абсолютно неверно. Если бы не эти “бедняги” Аристотель с Ньютоном, мы бы и не читали учебник физики. По моему

мнению, всему свое время. Во времена Ньютона и Аристотеля, они знали о мире очень многое, что позволило Ньютону изобрести законы механики, открыть силу тяготения. А что мы знаем о мире сейчас? Знаем все те же законы, но порой многие не знают первоначал. ... Многие вещи нам кажутся очень простыми, очевидными, хотя именно они самые сложные в этом мире. Поэтому Ньютону и Аристотелю нужно сказать большое спасибо, что, живя сейчас, мы столько знаем о мире» (Алина Я.).

Сравнивая себя с другими, люди часто открывают самих себя и лучше видят особенности своего времени. Так, например, удалось уловить, что особенности познания, темп жизни, образ жизни, отношение к знанию и, что важно, ментальность и способности сегодняшнего человека и в те далекие времена были разными. Пусть звучит несколько наивно, но все же не без оснований: «Мы все больше фильтруем знания, стараясь не загружать мозг лишней информацией. Так, нас интересует сам телефон или TV, а не принцип их работы; нас не интересует как “бегут” электроны по проводам; есть люди, которые в этом специалисты, они должны знать. В прошлом, т.к. знаний было меньше, такие люди, как Аристотель, Ньютон, могли позволить себе быть специалистами в математике, философии, физике и т.д.» (Антон С.).

Качество результата в познании как освоении информации, добытой и переработанной другими, и в познании-переживании как процессе творческого горения и поиска – несоизмеримо. Истиной оказывается пережитое, а то, что

воспринимается при формальном образовании, достойно лишь статуса слепой веры. «Ньютону и Аристотелю было интересно изучать мир, потому что у них не было никаких знаний, а мы, просто прочтя их труды, принимаем за истину» (Вера Г.). «Все, что знали ученые, они постигали своим умом. Студент же, прочитав учебник физики, просто узнал, что физика существует, что у нее есть такие-то законы, такие-то люди их вывели. То есть, имея общее представление, он не вглядывается в суть. Мы пользуемся результатами трудов, зачастую не задумываясь о глубинной сути вещей. Зачастую просто принимаем на веру, что это так, а это по-другому» (Ольга К.). «В книгах нам преподносят “разжеванную пищу” (информацию), но, чтобы понять ее цену, нужно знать? насколько была тверда эта пища до готовки. Сколько сил и энергии ушло на ее добычу и приготовление. Нужно вариться вместе с этой информацией (едой), чтобы видеть, как она изменяет свое состояние из “сырого” на “готовое”» (Сергей В.).

Знания требуют собственного вклада, развития идей, иначе мышление молчит. В итоге имеем не знание, а бездумное хранилище информации. Понимание предполагает ощущение самого познавательного процесса, полноценное проживание путей достижения истины, и даже более того – ощущение тонкой связи с природой: «Студент знает физику лучше, но Ньютон физику чувствовал. Он не все мог объяснить, но на многое мог на тот момент обратить внимание. Аристотель и Ньютон были ближе к природе» (Виктория П.).

Мы мыслим в ином скоростном режиме, для нас время уплот-

нено. В ходе когнитивной эволюции человек развил в себе способность работы с огромными массивами информации. «Студент, прочитав современный учебник физики, конечно, получил более обширные знания о физике в сжатые сроки. Студент получил знания, которые обсуждались многие десятилетия и столетия, уточнялись и дополнялись!» (Ринат М.). «Да, студент не знает некоторых законов физики в формулах, но не будем отрицать, что на дворе XXI столетие, и многие вещи, о которых раньше и не догадывались, сейчас просто очевидны и впитываются с молоком матери» (Дмитрий Л.). Кто не успевает жить, обучаться и творить в ускоренном режиме, рискует стать верхоглядом: «Чтобы очень хорошо разбираться в предмете, нужно посвятить этому всю жизнь, как рассматриваемые ученые; самые современные источники информации могут дать только обширные поверхностные знания» (Рената У.). Отметим, что многие студенты высказывали мысль о непогрешимости учебника: все, что там изложено, воспринимается как абсолютная правда. Система информационного образования не предполагает критического отношения к излагаемому материалу учебника. Авторитет учебника не подвергается сомнению.

В дискуссионных баталиях, когда противники сталкиваются лицом к лицу с провоцирующей риторикой, справится только сама риторика. В ситуациях, когда делается нападение средствами, подобными приведенным, эффективен отпор теми же средствами. Вот пример опровержения от противоречия с наблюдаемыми фактами (в логике называемое контр-

фактическим рассуждением). «Возникает вопрос: почему студент, прочитавший учебник физики, не приходит к новым открытиям? Или уже все исследовано?» (Вера С.). В другом примере автор апеллирует к ярким, наглядным образам и остроумным сравнениям: «Студент и эти “бедняги” находятся в принципиально разных положениях. Как если бы этот же студент получил средневековый кувшин и он знает, из чего тот сделан, он знает, зачем он сделан и почему он сделан именно таким, и как сделан. Но студент не знает, каких трудов это стоило создателю кувшина, и он уж точно никогда не получит того удовольствия, которое получил создатель кувшина. Так же и с наукой. Аристотель и Ньютон силой своего ума создавали научную картину мира и получали от этого удовольствие, а студент может только понять то, что создали эти “бедняги”. Данную ситуацию можно сравнить с тем, как простой любитель рассматривает партию великого Алекина: он понимает замысел и красоту игры, но сам так сыграть никогда не сможет!» (Владимир Т.).

Фраза, спровоцировавшая размышления студентов о науке и сути творчества, была заимствована из книги отечественного историка науки Бориса Григорьевича Кузнецова. В заключение приведу оригинальный текст автора. «Скромность исследователя невозможна при игнорировании прошлого. Сейчас в физике иногда – к счастью, нечасто – встречается некоторое неклассическое

чванство, представление, будто студент, прочитавший современный учебник физики, знает больше о мире, чем эти бедняги – Аристотель и Ньютон. Как говорил Гейне, карлик, стоящий на плечах гиганта, видит дальше, и Ньютон действительно не знал физики даже по Краевичу. Но современная наука требует не только возросшего объема знаний, но и той пластичности мысли, которая зависит от усвоения прошлого. Гейне продолжил фразу о карлике, видящем дальше, чем гигант, заключением: “...но нет в нем биения гигантского сердца”»⁴.

Добавлю – идеи мертвы, если их не оживляют светлые умы.

Из анализа аргументации от презентизма становится ясно, что настоящее достойно принимает эстафету прошлого, впитывая и ассимилируя все ценнейшие достижения предшествующих поколений. Ассимиляция опыта проб и ошибок, взлетов прозрений, кропотливого труда, накоплений знаний и методов в масштабе глобальной истории человечества оборачивается генетическим совершенствованием его способностей. Современный студент способен знать больше Аристотеля и Ньютона благодаря совместным усилиям природы и этих гениальных тружеников знания. История человечества, по сути, есть эволюция его разума. История науки в таком случае становится приоритетной наукой, объединяющей гуманитарное и естественнонаучное измерения познавательного процесса.

⁴ Кузнецов Б. Г. Встречи. С. 63.